

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЧИСТИЛЬЩИК
ВЫСТРЕЛ
ИЗ ПРОШЛОГО

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Чистильщик. Выстрел из прошлого / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-099242-3

Найденный двадцать лет назад при таинственных обстоятельствах, Толик Карпов вырос первоклассным бойцом. Всю свою жизнь он посвятил истреблению Тварей. Эти хищные существа лишь внешне напоминают людей, и отличить их можно только по необыкновенной зеленой ауре. Карпову не дает покоя тайна его происхождения, но при попытке раскрыть ее он попадает в злое мир Империи, где не знают огнестрельного оружия. Отныне Толика называют Дегером. Его судьба – быть бойцом на Арене, развлекающая кровожадную публику. Но чтобы выжить, одного умения драться недостаточно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099242-3

© Щепетнов Е.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Пролог

Она очень красива, моя мама. Красива и молода. Высокая, стройная, сильная! Красивее, чем в молодости!

Хм... странно это, правда? Как можно быть красивее, чем в молодости? А вот можно! Если в тебе сидит энергетическая сущность, можно сказать, энергодемон, питающийся психической энергией Носителя, и не только энергией Носителя. И других людей — тоже. А за это энергодемон (я называю его Тварью) дает Носителю силу, скорость и долгую, очень долгую жизнь!

Нет, не все Твари дают силу. Только Альфа-Твари. Но это долгая, очень долгая история.

Моей маме сейчас далеко за пятьдесят, но выглядит она максимум на тридцать. Да и то потому, что постаралась себя внешне состарить — с помощью одежды, косметики.

Смешно, но состарить себя оказалось не менее сложно, чем с помощью той же косметики себя омолодить. Мама вообще-то на пенсии, и смешно бы выглядела, явись она в пенсионный фонд эдакой молодой красоткой.

Кстати, не раз ей говорил: а может, сделать новые документы и скрыться под чужим именем? Уехать куда глаза глядят и начать новую жизнь? А что — деньги у нас есть. Ну... пока есть! Можно найти тех,

кто сделает документы, не так уж это и сложно. Время сейчас такое, что можно сделать все что угодно — были бы деньги.

После того как я прихватил с Арены (и не только с Арены!) кучу денег, забрав их у организатора боев, в деньгах мы особо не нуждаемся. Тем более что я еще и веду платные тренировки. Мой учитель Белокопытов, прежде чем исчезнуть, раствориться на просторах нашей страны (в который уже раз за несколько сотен лет!), переписал свой дом и все свое имущество на дочку Варю, мою жену. И теперь мы живем в этом доме, в котором есть спортивный зал, и ко мне на тренировки ходят несколько десятков людей — охранники, телохранители, просто обеспеченные люди, которые желают стать могучими и непобедимыми.

Да, это сарказм. Ни один дилетант не может сразу стать могучим и непобедимым, потому что для того нужно истово, по несколько часов в день выковыривать из своего тела непобедимое оружие. А это могут только единицы. И если дилетант сумел преодолеть свою боль, лень, свой страх, он перестает быть дилетантом и становится Мастером.

Два года прошло с тех пор, как исчез Белокопытов. И эти два года пролетели, как один день. Я жил будто в сладком сне — любимая жена, любимая работа, здоровая, веселая мама, которая забыла о нищете и теперь — о боги! — подумывает о замужестве. Да, да, моя мама спросила у меня, не против ли я буду, если она будет жить с неким Петром Николаевичем, хорошим человеком, с которым она познакомилась где-то в городе!

М-да-а... моя мама знакомится в городе с каким-то мужиком, а потом извещает меня, что собирается с ним жить! Нет, ну не смешно ли?! Мама, которая во

время работы в милиции и думать забыла о личном, семейном счастье, всю себя отдав работе!

Мама. Она — моя мама юридически. И фактически. Но не физически. Проще говоря, не она меня рожала. Приемная мама. Я ведь детдомовский. Мои родители (если это были родители!) погибли, раздавленные грузовиком, водителя которого вроде как не нашли. Темная история. Как я оказался на обочине дороги, кто меня выбросил из окна машины перед столкновением — не знаю. Моя мать? Или отец?

Мама пыталась найти мою родню, пыталась разобраться в происшедшем, но так и не смогла этого сделать. Не смогла — при всей ее энергии, уме и выдающихся способностях следователя! Да еще и при маминых связях — и даже в КГБ. Да, тогда эта организация называлась КГБ, сейчас она — ФСБ.

Иногда в голову закрадывается предательская мысль: а действительно ли мама хотела найти мою родню? Действительно ли хотела найти тех, кто мог бы предъявить права на мою маленькую тушку? Ведь если разобраться — мама, задействовав все свои связи, с огромным трудом подобрала себе подходящего ребенка для усыновления. Здорового, нормального — меня. И если она найдет мою родню — ведь могут попытаться меня отобрать! А зачем ей это нужно? Вполне, на мой взгляд, логичный вопрос!

Я сижу возле окна, мама напротив, через стол. Лицо ее спокойно и холодно, но я чувствую мамино напряжение. Когда живешь бок о бок почти двадцать лет, волей-неволей начинаешь чувствовать человека. Даже если это моя железная мама.

Мне о многом нужно с ней поговорить. И откровенно.

— Так о чем ты хотел со мной поговорить? — голос мамы бесстрастен, спокойно и ее лицо. Умеет моя мама контролировать эмоции! Старая школа!

— Mam, скажи... ты на самом деле искала моих родителей?

Глаза мамы расширились, но она тут же собой овладела. Кроме дрогнувших век — никакой особой реакции. Разве что чуть большая, чем нужно, пауза перед ответом.

— Конечно. Я сделала все, что могла. Даже подавала запрос в КГБ. Но там мне ответили, что информация засекречена и чтобы я не дергалась и заткнулась. А потом попробовали меня вербануть на освещение деятельности коллег.

— О как! — восхитился я. — А мне ты этого не говорила! Я помню, ты сказала: мол, подавала запрос и КГБ никого не нашел. А тут совсем другое дело! И ты на этом успокоилась?

— Не говорила потому, что не могла. С меня подписку взяли. А ты был маленьким и болтливым — мог раззвонить. Теперь ты взрослый. Спросил — я отвечаю.

Я посмотрел в глаза маме и устыдился. Почему я с ней так жестко разговариваю? Ведь она моя МАМА! Не та, кто родила, но настоящая! Мама за меня всех порвет! На весь мир войной пойдет! Умрет за меня! А я с ней как с подозреваемой в преступлении. Отвратительное чувство.

— Mam... я ни в чем тебя не виню. Я тебя люблю! Ты моя мама! И останешься ею навсегда! Но мне хочется знать — откуда я взялся?! Откуда я пришел?! Корни! Да, понимаю, мне может не понравиться то, что узнаю. Да, возможно, я пожалею, что начал эту суету. Но я хочу знать! Я должен знать! Сам не понимаю почему. Но должен!

Замолчал, посмотрел на маму. Она сидела, глядя на свои руки, лежащие на столе и сцепленные в замок. Пальцы побелели от напряжения. Ей нелегко давался этот разговор. Очень нелегко!

— Я ездила туда, где все это случилось, — мама начала медленно, глухо, и лицо ее как-то сразу постарело. — Мне показали место, где тебя нашли. Ты лежал в снегу на обочине дороги. Там вообще-то тепло, это же Кавказ, но тогда, в марте, вдруг завьюжило, и на обочине оставались кучки тающего снега. Возможно, именно потому ты и выжил. Упал в одну из кучек. То ли тебя выбросили из машины перед столкновением... То ли это случайность — они бывают, случайности: может, выбросило тебя при ударе. Бывает такое, во что и поверить невозможно. Так вот: я нашла и врачей из «Скорой помощи», которые тебя осматривали. И знаешь что? — мама нахмурилась и помотала головой. — У меня было ощущение, что они что-то скрывают. Нет, это не относится в запрету КГБ на расследование. Они скрывали что-то другое. Что именно, я так и не узнала. Когда выходила из дома фельдшера, ко мне подошли двое мужчин. Да, это были гэбэшники. Меня посадили в машину и увезли. А потом допрашивали несколько часов. По окончании допроса посоветовали больше никуда не лезть, ехать домой и не соваляться в твое прошлое. Из чего я сделала два вывода: первый — с твоим происхождением не все чисто. То ли ты сын шпионов, то ли наоборот — контрразведчиков, но то, что дело скользкое, — это без сомнения. А второй вывод: если я хочу, чтобы ты у меня остался, если я вообще хочу нормально жить, работать, существовать, лучше эту тему не трогать. Совсем. Навсегда. И вот теперь ты, сынок, решил туда сунуть нос. Теперь понимаешь? Ты готов поставить

на кон мою жизнь, жизнь Вари, Пети, свою жизнь? Рискнуть всем ради того, чтобы узнать, кто твои биологические родители. Готов?

— Мам, ты преувеличиваешь! — фыркнул я и укоризненно покачал головой. — Из тебя следователь так и прет! Умеешь ты нагнать жути! Только твоя пуля всего лишь сорвала мой эполет, поручик! Хе-хе...

— Да ну тебя, дурачок! — тоже фыркнула мама. — Сам-то скользкий, как угорь! Ты лучше скажи: что с поступлением в милицию? Так и будешь в своем зале прыгать? Тренировать дуболомов? Нужно настоящим делом заниматься! Кстати, а ты не думал о том, что некоторые из тех, кто у тебя тренируется, работают на криминал? Тебе это нравится? Ты же ненавидишь бандитов! Это не ты ли время от времени бродишь по улицам и караешь негодяев?

— Откуда ты знаешь?! — у меня отвисла челюсть. — Варя сдала?! Ну я ей задам!

— Варя в курсе, да? — усмехнулась мама. — Я так и думала. Нет, не Варя мне сказала. Ты забыл — я следователь. Пусть и бывший. Вычислила. Кое-какие наблюдения, размышления, сопоставление дат... характер повреждений тех, кого ты... наказал. Сынок, брось это дело! В одиночку мир не исправишь! Есть для этого организация, которая работает. Пусть и со скрипом, пусть все хуже и хуже, но работает! И если ты туда попадешь — уверена, принесешь пользы больше, чем сейчас, с твоими робингудскими штучками!

— Или джекопотрошительными... — хмуро заметил я. Мне все это не нравилось. Мама сумела выскочить из колеи неприятного разговора и молниеносно перевести его на мою личность, тут же заставив меня оправдываться и отвечать. Старая школа! Психолог! Любой опытный следователь — отличный психолог. А мама была среди лучших!

— Или джекопотрошительными, — кивнула мама и тут же пустила контрольный выстрел в голову: — И вообще, вы когда с Варей осчастливите меня внуками? Два года уже живете, и что? Плохо стараешься?

— Ма-ам! — я изобразил высшую степень оскорбленности, хотя внутри у меня все кипело от сдерживаемого смеха. — Как ты можешь?!

— Как угодно могу! — отмахнулась мама. — Чего тарачишься? Дело житейское! Внуков хочу! Два года уже — и ничего! Может, вы больны? Душой. Потому что тела у вас здоровее всех здоровых! Так что не надо мне втирать про то, что у вас никак не получается!

Мама была права. Я ведь Альфа. Во мне сразу несколько энергетических сущностей, то бишь Тварей. И я активированный Альфа. Как и мама. Как и Варя. Я их активировал. А меня — Белокопытов. А что такое Альфа? Это огромная скорость реакции, это сила, но самое главное — регенерация. Я могу выжить (и выжил!) после таких ранений, от которых обычный человек скончается в течение пяти минут. У меня за минуты затягиваются тяжелые раны, я могу не спать сутками, неделями — и не умереть от усталости. Я много чего еще могу, беда только в том, что и сам не знаю — что именно могу. У каждого Альфы это индивидуально, а такого Альфы, как я, в истории вроде как и не было. По крайней мере — это со слов моего Учителя. Я Супер-Альфа!

— Мам... мы решили подождать с ребенком, понимаешь? — я потупил взгляд. — Я решил! Варя хочет, но я решил — надо немного подождать. Вот устройсю на работу... после того как разузнаю о родителях... и тогда уже... хм... вот так.

— Дурак ты, сынок! — вздохнула мама. — Я тоже так думала: вот сейчас я отучусь, и тогда... Посту-

плю на работу, и тогда... Вот поработаю, осмотрюсь, и тогда... А в конце концов...

— Осталась с подкидышем, — криво усмехнулся я, а мама рассердилась. Мгновенно. Вспыхнула, как факел!

— Никогда! Слышишь! Никогда так больше не говори! Ты не подкидыш! Ты мой сын! И все тут! Треснула бы тебя по башке! Вот только тянуться лень!

Мы синхронно фыркнули и снова замолчали. И тогда уже я решился:

— Мам... а может, ты братика мне заделаешь? Или сестренку? Ты теперь молодая, красивая. Замуж собралась. Так что...

— Ну, еще не замуж... — задумчиво пробормотала мама и тут же спохватилась: — Что значит «заделаешь»?! Что за жаргон! Тьфу! Да, мы с Петром Николаевичем решили пожить вместе... я у него поживу. Пока — у него. Глупо, наверное, на старости лет, но...

— Какая старость? — фыркнул я, ухмыляясь. — Да ты красотка, каких мало! И здоровья у тебя на десять человек! Мама, у нас впереди десятки, а то и сотни лет жизни, понимаешь?

— Понимаю... — вздохнула мама. — Помнишь историю про Вечного Жида? Про бессмертного, который был вынужден вечность скитаться по миру? И жить, жить, жить...

— Ты еще струльдбругов припомни, мамочка! — усмехнулся я. — В отличие от свифтовских героев, мы вечно молодые, здоровые, сильные! Чувешь разницу? Мам, может, хватит? Ты все время стараешься увести меня от темы моих биологических родителей. На все ухищрения пошла, чтобы выйти из колеи! Даже Петра Николаевича приплела! Я уже тебе десять раз говорил — хочешь, так живи с ним! Сколько выдержишь. По-моему, он не тот чело-

век, с которым ты сможешь прожить долго. Мягкий слишком. Ты же ведь железная леди! Тебе нужен такой, чтобы искры сыпались!

— Вот с таким я бы точно долго не прожила, — усмехнулась мама. — Кто-нибудь из нас в конце концов бы сломался — но не я! Или бы разбежались.

— Вернемся к главной теме, — криво ухмыльнувшись, предложил я. — Расскажи мне все, что ты успела узнать! Например, имена и адреса бригады «Скорой помощи». Только не говори, что ничего о них не помнишь! Что выбросила бумажки! Я тебя знаю как облупленную! Ты информацией не разбрасываешься! Ну, мам, давай, колись! Так ты когда-то говорила своим «клиентам»? Хе-хе-хе...

Глава 1

Я посмотрел наверх, на угол дома... точно, это он. Тот самый дом. Припарковал свою «девятку», благо что места предостаточно — это вам не Москва, это, можно сказать, окраина цивилизации. Шучу, конечно, но в каждой шутке есть доля... шутки. Непокойно на Кавказе, так что до нормальной цивилизации ему далеко.

Чистенько на улице, на удивление. Почему-то я ждал, что в городишке на окраине страны будет мусорно и грязно. Стереотипы, наверное. Мол, самое лучшее — в Москве! Или в Питере. А остальное — мусорные города с мусорными людишками.

Волнуюсь. Почему-то волнуясь. Вот сейчас я войду в дом, скажу, кто я такой, и мне сообщат: «Тебя тут искала одна женщина, говорит — мать! Адрес оставила». Нет, я не про мою маму — про другую женщину. Про биологическую мать.

Глупо звучит, да: «биологическая мать»! Ну а как еще называть? Я считал и считаю настоящей своей матерью... маму. А как может быть иначе? Если бы меня в школе не просветили насчет того, что я ей не родной, — до сих пор бы не знал. Жил бы поживал да добра наживал!

Кстати, насчет «добра» — пришлось еще пару месяцев ждать, пока закончу последний курс тренировок. Больше учеников набирать не стал. Сказал, что

уезжаю в отпуск. Вот когда приеду, тогда... видно будет.

Варя расстроилась. Она хотела ехать со мной, но я настоял, чтобы жена осталась и присмотрела за моим названным братом — за Петькой, которого я некогда выгнал из детдома. В котором с ним обращались очень и очень плохо. Нет, не «сокамерники» — персонал. Пришлось мне пойти и поучить их уму-разуму. Теперь это лучший персонал детского дома во всей стране, а возможно — во всем мире. Я посадил им по Твари, настроив ее на подчинение себе. Тварь управляет человеком, я управляю Тварью — гармония, однако! Если при этом задать Твари верные жизненные установки — все получится очень хорошо. И получилось.

Петька за эти два года отъезжая, вымахал в рост, и в свои пятнадцать лет выглядел совсем уже взрослым парнем. Мама его усыновила, хотя и стоило это большого труда — использования связей и серьезных взяток, но закончилось все очень хорошо. Петька остался с нами. Он тренировался, ходил в школу, помогал мне в работе и навещал бывший свой детдом, где на добровольных началах стал для детей кем-то вроде учителя физкультуры. Воспитывал, так сказать, своих соратников. Обучал их почти всему, чему научился у меня. Кроме особо злостных боевых приемов, конечно.

Завершив дела, удостоверившись, что мои близкие будут жить вполне себе безбедно, я отправился в дорогу. Не с легким сердцем. Накануне Варя заката мне сцену, со слезами, причитаниями и успокоилась только к ночи, проведенной нами бурно и яростно. И сладко. Так что уснули мы только под утро, и выезжать мне пришлось не на рассвете, как я планировал, а гораздо, гораздо позже — к обе-